

УДК 32.019.51

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

ЧЕРНИКОВА Виктория Владимировна,

кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии исторического факультета

Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются возможности применению политических символов в процессе конструирования региональной идентичности в современной России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идентичность, регион, политические символы, политическое сознание, гражданское общество.

POLITICAL SYMBOLS AND REGIONAL IDENTITY

CHERNIKOVA V. V.,

Cand. Polit. Sci., Docent of the Department of Sociology and Political Science,

Department of History

Voronezh State University

ABSTRACT. The article analyzes the opportunities for using the political symbols in the process of regional identity construction in modern Russia.

KEY WORDS: identity, region, political symbols, political consciousness, civic society.

Исследования формирования национальной идентичности России выявили фрагментарный, многоуровневый характер российской идентичности. Наряду с общегосударственным уровнем отчетливо наблюдается становление региональной идентичности. Наиболее явно этот процесс осуществляется в этнонациональных регионах, однако и для краев и областей остальной России этот процесс также характерен. Понятие «идентичность» рассматривается в многочисленных исследованиях, даются разные определения.

Наиболее часто встречаются определения, рассматривающие идентичность как «...соотнесение личности с группой, представления о группе, социальные механизмы самоопределения индивидов в многообразных группах...» [1, с. 336].

Для анализа политического конструирования идентичности наибольшую важность приобретает восприятие идентичности как продукта «социальной или политической активности, процессуальное развитие того вида коллективного самопонимания, которое делает возможным коллективное действие» [2].

В то же время региональная идентичность - это «объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самоидентичности и целостности, непрерывности во времени и пространстве. Региональную идентичность можно рассматривать как структурное образование со своим содержанием, мерой стойкости и противодействием влиянию извне» [3].

Информация для связи с автором: victoriacher@list.ru

Потребность в формировании региональной идентичности во многом связана с особенностями социально-культурной жизни территориальных систем.

Коллективная жизнь в рамках социально-территориальной системы обусловлена общим типом хозяйства, который накладывает определенный отпечаток на характер взаимодействия индивидов, их традиции, жизненный стиль. Однако наряду с естественно складывающейся идентичностью, формирующейся в общественном сознании под воздействием объективных факторов и потребности в самоидентификации, идентичность может становиться политическим проектом, стимулирующим формирование единого регионального сообщества, разделяющего общие ценности и стремящегося к реализации общих целей.

Формирование региональной идентичности во многом является конструируемым проектом, необходимым в изменяющемся социуме. С одной стороны - интеграционные и глобализационные процессы нивелируют различия в социальном и культурном плане, с другой стороны, возрастает стремление локальных сообществ к сохранению собственного уклада жизни, особенностей, присущих своему собственному региону. Кроме того, фиксируется стремление стимулировать интерес к региону как социально-территориальной системе.

Разные варианты конструируемых идентичностей могут преследовать разные цели: от стремления к развитию собственной территории, в рамках конкуренции с другими равно-

статусными регионами, до непримиримой оппозиции всей государственной социально-территориальной системе и ближайшим соседям. Радикальные варианты могут содержать цели сепарации или ирреденты. Однако большинство проектов носит конструктивный характер.

Довольно четко и образно высказался М.П. Крылов: «РИ – способность к социокультурной, гражданской и экономической активности. РИ – это не «стратегия Обломова», а «воля к жизни и развитию на данной территории». Самосознание – шаг к самоорганизации. Осознание своей специфики – это осознание своей оригинальности, нестандартности, индивидуальности, а тем самым и некорректности спускаемых сверху шаблонных волонтеристских решений, разрушающих процессы самоорганизации» [4].

Конструирование региональной идентичности может осуществляться заинтересованными лицами, представителями региональной элиты, официальными управленческими структурами, а также альтернативными центрами влияния в регионе.

Процесс влияния на общественное сознание происходит при помощи средств массовой информации, гражданских действий, а также через создание политических и гражданских символов, закрепляющих определенные коды.

«Политические символы — знаки, образы, обобщающие и олицетворяющие какие-либо политические объекты, явления, процессы. Символами государства являются флаг, герб, гимн» [5].

Для выполнения своей функции символы должны быть узнаваемы.

Нами был проведен экспертный опрос жителей Воронежа. В состав экспертов были выбраны историки-краеведы, работники администрации г. Воронежа и Воронежской области, специалисты в сфере брендинга территорий, активисты общественных организаций в области экологии и защиты культурного наследия, политологи. Подбор экспертов делался с учетом той роли, которую они могут играть и играют в процессе формирования региональной идентичности. Создание бренда территории, устойчивого восприятия жителями области себя как части социально-территориальной группы возможно только при четкой позиции тех, кто имеет возможность влиять на общественное сознание. В рамках экспертного сообщества могут быть разные группы, носители разных проектов идентичности. Однако диалог экспертов и общества может происходить только на основе общезначимых символов.

В рамках экспертного опроса был задан вопрос об узнаваемости герба Воронежской области и Воронежа. Только один из экспертов указал, что не знает старинный герб территории. Это свидетельствует о значимости для экспертов символического пространства, об устойчивом восприятии территории через политическую символику.

Другими не менее узнаваемыми символами диалога политической власти с обществом выступают праздники. Региональный праздник –

«День города» (регионального столичного центра) так же является носителем своеобразного кода регионального патриотизма. Не случайно в связи с утверждением Федеральной властью России единого дня голосования, который пришелся на традиционную дату проведения Дня города в г. Воронеже, развернулась бурная дискуссия о дате переноса праздника. Депутаты не могли определить новую дату и провели публичные слушания и интернет-опрос жителей. Интернет опрос показал высокую активность людей в принятии данного решения. Предложения о переносе праздника с сентября на май, совмещении его с Днем Победы не нашли поддержки. Само мероприятие органично вписывается в систему конструирования идентичности.

Групповая самоидентификация осуществляется не только с помощью официальных политических символов, но и тех символов, которые узнаваемы, значимы для сообщества. Через отношение к ним властей часто просматриваются и возможности взаимодействия элиты и общества. В чем выражаются эти символы? Памятники, архитектурные сооружения, публичные пространства (театры, парки, площади и т.п.). При анализе ответов экспертов на вопрос «Согласны ли вы с утверждением, что «нужно сделать все возможное, чтобы сохранить различия в специфике архитектуры, внешнего облика городов?» выявилась тенденция консолидированной позиции экспертов. Так только 5% экспертов не согласны с этим утверждением. В то же время согласие с тем, что «нужно сохранить различия в говорах, особенностях поведения, питания и т.д.», высказали только 15,6%, в то время как 84,4% полагают, что этого не следует делать.

Рассматривая экспертов в качестве одного из субъектов процесса формирования региональной идентичности, не стоит забывать, что экспертное сообщество неоднородно. В рамках одного региона могут вполне уживаться различные проекты региональной идентичности, как взаимодополняющей, так и конфликтной.

Показателен пример конкуренции на поле формирования идентичности в Рязанской области двух субъектов – администрации и гражданского сообщества и церкви. Администрация и гражданское сообщество представляют «светский» проект, а церковь (РПЦ) – религиозный. У администрации не было четкой и последовательной позиции по созданию региональной идеи, выявлению и использованию конкурентных преимуществ. Это привело к непоследовательности и сложности в отношениях двух проектов.

В Рязани и Рязанской области после 1993 г. шла конкуренция за создание региональной идентичности. Сложилось вначале два типа проектов: 1 тип (губернаторский) – возрождения историко-княжеской идентичности, 2 тип (агропромышленный сектор, советская номенклатура) (аграрно-почвеннический) – «Народно-аграрная», «почвенническая». Конкуренция и конфликт предполагали чередование возрождения через мероприятия, памятники. Показателен процесс на центральной площади: снос

памятника Ленину на центральной площади, установка памятного знака «900 лет Рязани», планы строительства часовни, возврат памятника Ленину, отмена строительства часовни [6].

Однако в процесс конкуренции включилась церковь. В 2007/2008 гг. разгорелся конфликт между Церковью, которая хотела вернуть епархии музей (резиденцию епископа), и общественностью. Раскол произошел по линии религиозная - светская направленность. Конфликт вышел на федеральный уровень. По мнению В.С. Авдонина, местная власть поддержала епархию. Конфликт принял затяжной характер, где церковь все-таки добивалась больших преимуществ. Структура культурного дискурса региональной идентичности тем самым усложнилась. В политико-идеологическом и культурном плане регион теперь более четко идентифицирован как «консервативно-клерикальный» [6].

Рязанская епархия в 2007–2008 годы получила в бессрочное пользование Успенский собор, колокольню и некоторые другие здания городского кремля. Местный историко-архитектурный музей не хотел отдавать здания — развязался затяжной конфликт, в котором победила РПЦ. Власти отдают храмы религиозным организациям с 1990-х годов, в 2000-х этот процесс ускорился — и РПЦ взяла курс на защиту своих брендов. Уже зарегистрированы в качестве торговых марок калининградский собор Христа Спасителя, костромской Ипатьевский монастырь, Благовещенский мужской монастырь (Нижний Новгород) и, например, слово «Валаам» [7].

Рязанская епархия также зарегистрировала собор как бренд, что ограничило возможности светской власти использовать исторический символ Рязани в качестве компонента конструирования региональной идентичности.

Многоакторный процесс прослеживается и других регионах, где наряду с администрацией, религиозными структурами, активным формированием идентичности занимаются общественные объединения и движения. Масштабен пример формирования сибирской нации, главными действующими силами процесса которого выступают «Сибирская национальная автономия» (зарегистрирована в конце 2011 года) и «Сибирский державный союз». Кроме того, в «Живом журнале» есть сообщество «Настоящие сибиряки», насчитывающее 388 участников [8].

В Воронеже и области также зарегистрированы организации, занимающие активную позицию в процессе формирования региональной идентичности. Поскольку наиболее явно самоидентификация происходит при столкновении с «чужим», то и значительный потенциал организаций основан на протестной активности. Прежде всего, это «Зеленая лента», защищающая интересы жителей, выступающая за сохранение Новохоперского заповедника и против добычи никеля. Голосование за символы России показало значительное влияние данной позиции на предпочтения людей. В первом туре из всех представленных достопримечательностей (Дивногорье, Калачеевская пещера, памят-

ник котенку с улицы Лизюкова, Собор и др.) больше всего голосов набрал Новохоперский заповедник, который прошел во второй тур. Администрация Воронежской области в большей степени призывала поддерживать Дивногорье — одну из «визитных карточек» области. Во втором туре Новохоперский заповедник до последней недели держал 5-6-ю строчки. Однако после массового смс-голосования из ряда регионов он потерял позиции. Повышенная протестная активность в районе никелевого месторождения, активное наклеивание на стекла машин стикеров «Воронеж против (добычи) никеля», проявилось и в виртуальном пространстве. Тем не менее, процедура голосования показала возможности протестного использования символов при формировании региональной идентичности. Наряду с «Зеленой лентой», существует «Вантит», сообщество, которое выступает за сохранение исторических памятников. Здесь также ощущается двойственность воздействия на население. Официальная власть придерживается утвержденной точки зрения на возраст Воронежа (с 1586 г.), возрождает символы, связанные с этим историческим периодом (макет корабля «Гото Предестинация»), в то время как «Вантит» и другие общественные структуры больше придерживаются досоветской точки зрения, что город существовал и ранее, ссылаясь на летописи (Никоновскую), в том числе от 1177 г., где говорится о бегстве Ярополка в Воронеж. Причем они выступают за сохранение древних ценностей.

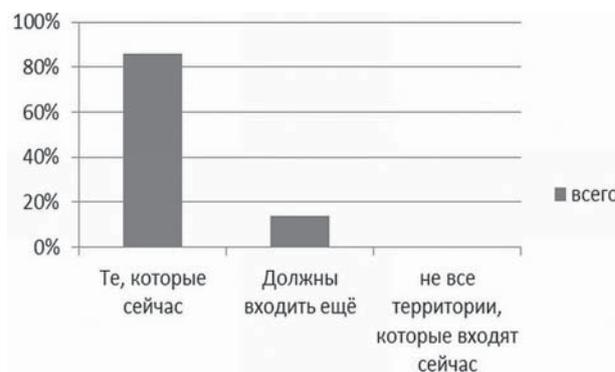
Символическое значение имеет граница региона. В условиях прозрачности границ, единого экономического, политического, правового пространства, граница играет роль линии, по которой происходит обращение региона вовнутрь, докуда простирается пространство влияния административной власти. Однако административная граница и граница региона в сознании людей далеко не всегда совпадают. Это обусловлено историческим опытом, экономикой, культурой и другими факторами.

Восприятие границы, пространства региона воспроизводит в сознании сообщество «своих».

В ответах экспертов отчасти наблюдается

Диаграмма 1.

Границы Воронежской области

рефлексия исторического опыта существования Воронежской области в больших границах. В частности, им был задан вопрос «Воронежская область на протяжении истории неоднократно меняла свои границы. Какие территории, по Вашему мнению, должны входить / или не входить в неё?» Большинство ответивших указало, что Воронежская область должна оставаться в нынешних границах. Некоторые эксперты (14%) указали на возможность и желательность вхождения Липецкой области. (см. Диаграмма 1). Ни один из экспертов не выбрал вариант ответа, предлагающий существование в более узких границах.

Рассматривая идентичность как продукт социальной и политической активности, нужно заметить, что воздействие на региональное сознание происходит аналогично воздействию на сознание граждан какого-либо государства или социальной группы.

Идентичность обычно формируется при взаимодействии (столкновении) с «другим», как ответ о самоидентификации группы. Конструирование идентичности происходит не на пустом месте. Коровникова Н.А., опираясь на исследование Комаровского В.С., в докладе на Шестом конгрессе политологов выделила три составляющие идентичности:

«1) наше прошлое, его интерпретация; 2) воспринимаемое коллективное «мы», наши принципы, нормы, ценности; 3) «мы» и другие нации, государства. Тогда очевидным становится тот факт, что характер идентификационных процессов на всех этапах, в первую очередь, определяется таким инструментом, как коллективная память, аккумулирующая в себе наиболее устойчивых ментальных образований в общественном сознании» [9].

Коллективная память на региональном уровне может проявляться не только в рефлексии исторических событий, но и совместном переживании общих бед, тяжелых испытаний, и в противовес негативному опыту – позитивных воспоминаний, гордости за выдающихся земляков и т.д.

Одним из символов новой эпохи стало присвоение Воронежу звания «Город воинской славы», что имело долгую предшествующую историю.

Долго власти Воронежа вместе с общественностью добивались звания «Города-героя», но безуспешно. Последний отказ был в 1997 г. Это породило серьезный комплекс несправедливости среди горожан, ветеранов, общественности и элиты. Только после учреждения звания «Город воинской славы» в 2008 г. Воронежу было присвоено это звание.

Анализ существующих политических символов области, а также результаты экспертного опроса показывают, что в Воронежской области нет жесткого противопоставления «официальной» и «народной» идентичности. Одно некоторые варианты противостояния встречаются.

Можно отметить некоторые особенности формирования региональной идентичности в современной России (и в Воронежской области):

Во-первых, она имеет многоуровневый характер. Наряду с общероссийской может существовать и региональная. Так, 50% экспертов отметили, что для них важно ощущать свою принадлежность к России. К сожалению, число экспертов, готовых покинуть страну (при этом гордящихся краем) столько же – 50%. Это тревожный сигнал для общегосударственной идентичности.

Для большинства регионов характерна «множественная» идентичность. Например, «официальная», которая конструируется руководством, опирается на официальные источники. Здесь создаются образы, выгодные для позиционирования региона на внешнем поле. «Народная», которая может оспаривать официальные конструкты, апеллируя к народной коллективной памяти, сложившимся мифам. Здесь формируются символы, близкие и понятные населению, зачастую не вписывающиеся в официальную идеологию. Сочетание «официальной» и «народной» идентичности проявляется и в Воронежской области.

Во-вторых, носителями активной региональной идентичности являются не все жители, а меньшинство. Расширение численности этого меньшинства происходит только в результате столкновения общества с конкретными угрозами (разработка месторождения никеля, лесные пожары 2010 г. и т.д.)

В-третьих, формирование региональных идентичностей в России носит протестный характер. Это проявляется и в практической политике (в Воронежской области – ситуация вокруг Хоперского заповедника и добычи никеля).

Развитие региональной идентичности в России происходит неравномерно. Наблюдаются некоторые тенденции Воронежской области, характерные также и для других не этнических регионов:

Несовпадение региона как субъекта Федерации и региона формирующейся региональной идентичности. Эта тенденция проявляется не везде одинаково. Например, она не характерна для Калининградской области. В то же время появление «сибиряков», «донцов» и других, выходит за рамки одно субъекта. В частности, результаты Всероссийской переписи населения показали наличие таких групп, как казаки (которых включили в русских). Так, в Воронежской области эту национальность отметили 291 человек, в Волгоградской области – 18452, Ростовской – 29682 человека [10]. Казачество выступает как культурно-историческая группа, проводит казачьи праздники, фестивали, открывает музеи и магазины казачьей одежды и атрибутики, использует собственные символы для создания связи с обществом. Создаются сообщества, которые включаются в социальную и политическую жизнь региона. При этом возможно параллельное сосуществование идентичности, определяемой административными границами.

Преобладание политической составляющей в региональной идентичности и преимущественно протестный характер консолидации.

Процесс формирования региональной идентичности непосредственно связан с созданием и развитием гражданского общества. Развитие солидарности, местного патриотизма отражается в текущих действиях, создании организаций по защите культурного наследия, природных ландшафтов и других общих ценностей. Сегодня очевиден запрос в регионах на подобную консолидацию общества. При анализе Интернет-про-

странства, можно увидеть рост численности таких организаций, групп в различных сетях, чья деятельность не останавливается на виртуальном общении, а выходит в реальную плоскость дел и акций.

Особую роль в конструировании идентичности имеет совпадение понятных политических символов власти и общества. В случае их несовпадения, процесс формирования региональной идентичности усложняется, становится менее предсказуемым, радикализируется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дробижина Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л.М. Дробижина. - М., 2003. - 376 с.
2. Брубейкер Р. За пределами идентичности / Р. Брубейкер, Ф. Купер // *Ab Imperio*. - 2002. - № 3. - С. 73-76.
3. Еремичева Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа / Е.В. Еремичева // *Региониология*. - 2011. - №3.
4. Крылов М.П. К теории региональной идентичности (по материалам Европейской России) / М.П. Крылов // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам всероссийской научно-практической конференции / Отв. Ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева, В.В. Лапкин, П.В. Панов. - М.: ИМЭМО РАН, 2011. - С. 215.
5. Политология: словарь по обществознанию / под ред. Петрунина Ю.Ю., Панова М.И., 2006. - (<http://www.politike.ru/dictionary/885/word/politicheskie-simvoly>).
6. Авдонин В.С. Проблемы формирования региональной культурной идентичности в депрессивном социально-экономическом контексте (случай Рязанской области) / В.С. Авдонин // *Вестник Пермского университета. Политология. Специальный выпуск*. - 2011. - С. 7-15.
7. Подрез Тарас. Рязанская епархия регистрирует собор как бренд — для борьбы с конкурентами / Тарас Подрез // *Маркер*, пятница, 26 августа 2011 года. - (<http://marker.ru/news/498598>).
8. Анисимова А. Сибирская идентичность как политическое высказывание / А. Анисимова, О. Ечевская // *Pro et Contra*. 2012, - №3 (55) май — июнь. - С. 74.
9. Коровникова Н.А. Политическая идентичность России: динамика, факторы, перспективы (опыт постсоветского периода) / Н.А. Коровникова // Доклад прочитан на Шестом Всероссийском конгрессе политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия» (22-24 ноября 2012г.).
10. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. - Т.4. - (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm).